Текст · 17 июня 2024, 11:07
Буркхард Билгер,

Самая масштабная слежка в истории. Как ученые восстанавливают десятки миллионов уничтоженных документов из архива Штази — тайной полиции ГДР

Штази была одной из самых могущественных и всепроникающих спецслужб XX века: на каждых 50–60 жителей ГДР приходилось по одному сотруднику госбезопасности. Тысячи агентов круглосуточно вели слежку и наблюдение, и в этом им помогали десятки тысяч информаторов. К моменту объединения Германии в архиве тайной полиции скопились сотни миллионов страниц донесений, миллионы фотографий и аудиозаписей прослушек. Часть была уничтожена бесследно, часть осталась в целости и сохранности, но множество документов просто порвали. Работа по их восстановлению продолжается уже три десятилетия — и нынешними темпами на нее уйдет еще как минимум 600 лет.

Корреспондент *New Yorker* Буркхард Билгер побывал в Центральной штаб-квартире Штази и узнал, как был устроен и как уничтожался этот архив — бесконечная полицейская сводка, скрупулезный и ошеломительно подробный отчет об обманах и предательствах целого общества. А еще пообщался с архивистами, активистами, политиками и героями донесений, чтобы понять, почему одни уже 30 лет спасают документы, а другие хотят, чтобы о них уже наконец забыли. «Медиазона» публикует перевод его репортажа.

Мужчина, остановивший Саломею Генин на улице Западного Берлина августовским утром 1961 года, улыбнулся ей так, будто был с ней знаком. Он был «довольно красивым господином», вспоминает она, но из тех, кто при этом легко потеряется в толпе. Он передал ей привет из Восточного Берлина — от секретарши в посольстве одной из арабских стран, с которой Генин познакомилась во время недавней поездки. Он поинтересовался, не составит ли Генин ему компанию за чашечкой кофе на следующий день. Генин была совершенно уверена, что никогда в жизни не видела прежде этого человека. Учитывая все обстоятельства, была большая вероятность, что это шпион из ГДР. Но она без колебаний согласилась на встречу.

Генин мечтала жить в Восточном Берлине. Она родилась в Берлине в 1932-м — до того, как его разделили на две части, — а в возрасте шести лет была вынуждена бежать оттуда со своей семьей. Они были евреями. Однажды ночью в 1937 году квартирантка, жившая с Саломеей, двумя ее сестрами и матерью (ее родители были в разводе), донесла на них в полицию. Сестра Саломеи, Франциска, в нарушение расовых норм встречалась с немцем. Через две недели Франциска уехала в Австралию, но остальным членам семьи пришлось остаться. Отец Саломеи был отправлен в Бухенвальд как *arbeitscheuer Jude* — безработный еврей — после того, как перенес сифилис. Когда его освободили при помощи еврейской общины, которая помогла внести за него залог в размере ста марок, он бежал в Шанхай. Остальные члены семьи перебрались в Мельбурн в мае 1939 года, за четыре месяца до начала войны.

Саломея была одиноким ребенком, лишенным корней. Ее мать никогда не проявляла к ней особого интереса, как-то она даже призналась, что забеременела Саломеей просто для того, чтобы попытаться спасти брак. Сожитель ее матери проявлял еще меньше интереса к ребенку. Когда Саломее исполнилось одиннадцать, ее отправили на семь месяцев в школу-интернат. Только на следующий год, когда ее сестра Рения взяла ее на собрание ячейки молодых коммунистов, Саломея почувствовала себя как дома. Они были антифашистами, выступали за профсоюзы и радикальное равенство. Эти собрания были наполнены оптимизмом и острым чувством сопричастности — тем, чего Саломее не хватало дома. Вскоре она уже раздавала листовки, продавала

экземпляры журнала «Голос молодежи» в центре Мельбурна, читала Ленина («Маркс слишком сложен», — сказали ей) и выступала с речами на ступенях Австралийского банка Содружества.

«Генин представляет угрозу безопасности», — заключила в 1951 году Австралийская служба безопасности и разведки. Это была первая запись в последовавшем объемном досье. В более поздних сообщениях говорилось, что Генин — «беспринципная и фанатичная коммунистка»; вместе с матерью они характеризовались как «пара подлых ведьм». В первом отчете отмечалось, что Генин работала секретарем на государственном авиазаводе, но, как особо подчеркивалось, это можно было легко исправить: «Ее увольнение не должно повлечь за собой больших административных трудностей». Три года спустя, будучи уволенной с нескольких работ, Генин пришла к шокирующему решению. Несколькими годами ранее она оказалась в Восточном Берлине на Всемирном фестивале молодежи и студентов и была в восторге от услышанных там зажигательных речей. Она решила, что ее место там: на переднем крае борьбы коммунизма, сражавшегося за то, чтобы ее родина была очищена от фашизма. 15 апреля 1954 года она села на пассажирский лайнер «Отранто» в Мельбурне и отправилась в страну, которая когда-то едва не убила ее.

Она надеялась, что все у нее получится. Когда Генин прибыла в Западный Берлин и подала заявление на получение вида на жительство в ГДР, ее просьбу проигнорировали. Восточные немцы решили, что она может быть западной шпионкой. «Они не

поверили моему энтузиазму», — вспоминает Генин. При этом западные немцы думали, что она шпионила в пользу ГДР, и каждая из сторон посылала агентов следить за ней. «В десять утра наблюдение было прервано из-за того, что поблизости находились два подозрительных человека, предположительно, наблюдатели стороны противника», — сообщалось 18 декабря 1954 года в докладной записке Штази, государственной разведывательной службы ГДР. Согласно записи в личном деле, Генин тогда было 22 года. У нее было «коренастое, мощное телосложение, сильные бедра, полное круглое лицо, длинный нос и темно-русые волосы». Она носила потрепанную одежду, могла показаться застенчивой и неуверенной в себе, а еще редко смотрела в глаза. Тем не менее у нее были «ярко выраженные сексуальные интересы», и она «не испытывала отвращения к мужчинам». Все это кажется ничем не примечательным для женщины двадцати с небольшим лет, оказавшейся в одиночку в чужой стране, где она поняла, что за ней, возможно, следят. Но это обеспокоило Штази. Они дали ей кодовое имя Топтунья.

Следующие семь лет Генин потратила на то, чтобы завоевать доверие. «Я так устроена: чем сложнее было преодоление, тем больше я убеждалась, что это мое место», — рассказывает она. Она переехала в Лондон на три года и вступила в Коммунистическую партию Великобритании. Затем вернулась в Западный Берлин и писала статьи для *Democratic German Report*, социалистического информационного бюллетеня, издаваемого Джоном Питом, бывшим руководителем бюро *Reuters*, который бежал в Восточную Германию из Англии. Наконец, в 1961 году, после того как она выпила кофе с тем самым довольно привлекательным

господином, который остановил ее на улице, Генин осуществила свое желание: она стала информатором Штази, а позже гражданкой ГДР.

В отчете агента после встречи лишь один вопрос был оставлен без ответа: зачем ей понадобилось переезжать в Восточную Германию? Некоторые сотрудники Штази наверняка всерьез задавались этим же вопросом.

Паспорт ГДР, выданный Саломее Генин незадолго до падения Берлинской стены. Фото: Ingmar Bjorn Nolting / The New Yorker

* * *

Диктатуры зависят от воли людей. Они не могут править лишь с помощью принуждения. Люди поддерживают диктатуры, чтобы получить власть или продвинуться по карьерной лестнице. Или потому, что им нравится отдавать приказы. Или они чувствуют себя комфортно, получая их. Сначала они действуют, руководствуясь предрассудками, религиозными убеждениями или политическими идеалами, а затем — своим страхом. Они могут вообще не понимать, какую идеологию поддерживают, пока не станет слишком поздно. В 1953 году, меньше чем за год до приезда Генин в Германию, более миллиона восточных немцев приняли участие в забастовках и демонстрациях по всей стране. Они протестовали против низких зарплат, бесчеловечных норм производства, нехватки топлива и роста цен. В течение нескольких дней советские войска подавили

восстание, пройдя маршем более чем по пятидесяти городам и арестовав около 15 тысяч протестующих. В Восточном Берлине советские танки разгоняли безоружные толпы, а солдаты открыли огонь по мирным жителям.

Генин в это не верила. Ей казалось, что все эти истории были капиталистической пропагандой. Как и американские социалисты, восхищавшиеся Сталиным в 1930-х, или русские, поддерживающие войну в Украине сегодня, она приняла версию событий, изложенную властями. Армия не нападала на мирных жителей Берлина, а защищала их от тоталитаризма. А восстание рабочих на самом деле было фашистским переворотом. К 1954 году, когда Генин прибыла в Западный Берлин, более 30 тысяч восточных немцев ежемесячно убегали через границу на Запад. Генин считала, что это был еще один пример того, как Запад обескровливает Восток, заманивая его граждан ложными надеждами на богатство. Когда семь лет спустя в Берлине возвели стену, она полностью поддерживала это. Восточные немцы должны были защитить себя от дурного влияния, думала она. Стена построена не для того, чтобы удержать их внутри; она предназначалась для того, чтобы не подпускать к себе врагов.

Когда 16 мая 1963 года Генин переехала в Восточный Берлин, ее первой мыслью было: «Наконец-то я дома». Восемь недель, пока оформляли документы, она прожила в общежитии. Затем Штази подыскала ей квартиру в районе Трептов — надстройку на пятом этаже с раковиной вместо ванны и угольной печкой для обогрева. А еще ее устроили машинисткой на электрозавод. Первый год, пока она жила там,

агенты держались на расстоянии. А потом в ее дверь позвонил мужчина в сером костюме. «Он сказал, что из госбезопасности, — вспоминала Генин в сентябре прошлого года, когда я навестил ее в Германии. — Я вздохнула с облегчением и впустила его».

Мы сидим в ее маленькой, залитой солнцем квартире в берлинском районе Митте, который когда-то был сердцем Восточного Берлина, а теперь стал домом для художественных галерей, магазина *Apple Store* и шведского производителя электромобилей. Генин сейчас 91 год, и это уже не та коренастая Топтунья, как в досье Штази, хотя для своего возраста она обладает удивительно ясным умом. У нее густые седые волосы, прямой нос и скептически смотрящие сквозь огромные очки глаза. Она говорит по-английски с легким акцентом — ее звонкие австралийские гласные чередуются с ворчливыми немецкими согласными. Истории она рассказывает с потрясающей точностью, перечисляя имена и даты, словно это предметы, которые она достает из банковской ячейки. «Есть только один способ смириться со своей жизнью, — говорит она. — И этот способ — принять все факты». В 2009 году Генин опубликовала автобиографию под названием *Ich Folgte den Falschen Göttern* («Я следовала за ложными богами»).

Все восточные немцы знают хотя бы несколько подобных историй: о соседке, коллеге, двоюродном брате лучшего друга. Они любят «Жизнь других», фильм 2006 года об агенте Штази, который шпионит за драматургом и его девушкой, и, покачивая головами, говорят: «Им следовало бы снять фильм о моей тете Хильде». Огромное количество историй

о Штази и их сюрреалистическая специфика свидетельствуют о том, как глубоко эта служба проникла в каждый уголок восточногерманского общества. А еще эти истории подчеркивают, насколько полно в итоге были раскрыты секреты Штази. В январе 1992 года новое объединенное правительство Германии сделало доступным для общественности почти весь архив отчетов ведомства, охватывающий полвека слежки. Это было самое радикальное раскрытие государственных секретов в истории, *WikiLeaks* в космических масштабах.

Архив Штази дает удивительно подробную картину жизни в условиях диктатуры — он о том, как ведут себя обычные люди под подозрительными взглядами. К моменту падения Стены в 1989 году на Штази работало около 300 тысяч восточных немцев, в том числе около 200 тысяч внештатных сотрудников, таких как Генин. При населении ГДР в 16 млн на каждых 50–60 человек приходился один шпион. За годы, прошедшие с обнародования архивов, их разоблачения привели к срыву политических кампаний, обесценили художественное наследие — и оправдали бесчисленное количество граждан, которые были несправедливо обвинены или заключены в тюрьму. Однако некоторые из документов, которые сотрудники Штази больше всего хотели скрыть, так и не были обнародованы. За несколько недель до падения Стены агенты уничтожили столько документов, сколько смогли. Многие из них были пущены в шредер, сожжены и утеряны навсегда. Но от 40 до 55 млн страниц были просто разорваны пополам или на несколько частей и упакованы в пакеты.

Немцы уже потратили 30 лет на то, чтобы склеить их обратно, и работа продолжается. Она ведется вручную в Центральной штаб-квартире Штази в Берлине и часто преподносится как символ непоколебимой прозрачности. Тем не менее процесс идет мучительно медленно. Чтобы создать эти документы, потребовались усилия сотен тысяч сотрудников и информаторов. Но их реконструкция была поручена дюжине или около того архивных работников, своего рода любителей головоломок. За десятилетия, прошедшие с падения Стены, они восстановили около 5% разорванных страниц. Такими темпами процесс займет более 600 лет.

Саломея Генин в ее доме в Берлине в 2023 году. Фото: Ingmar Björn Nolting / The New Yorker

Прошлой осенью архив Штази предпринял попытку автоматизировать проект в надежде, что новейшие сканеры и искусственный интеллект помогут ускорить работу. Задача стала как никогда актуальной — сейчас каждый пятый немец поддерживает ультраправую партию «Альтернатива для Германии», и популярность подобных политических организаций по всей Европе на подъеме. При этом работа с архивами Штази всегда встречала противодействие с двух сторон: политиков пугает то, что может содержаться в записях, а бывшие восточные немцы говорят, что архивы Штази дают очень узкий и искаженный взгляд на их историю, который на руку Западу. Архивы Штази похожи на бесконечную полицейскую сводку, это скрупулезный

и ошеломительно подробный отчет об обманах и предательствах целого общества.

* * *

Центральная штаб-квартира Штази расположена на пустынной окраине восточного Берлина. Если смотреть с земли, комплекс зданий может показаться заброшенным заводом: десятки панельных построек из бетона окружают большой двор, показывая городу спины. С высоты птичьего полета это больше похоже на лабиринт. В 1950 году, спустя несколько месяцев после основания ГДР, Штази переехала в здание бывшего финансового управления. Три года спустя в стране воцарился страх. Во время восстания рабочих протестующие едва не захватили правительственные здания в Берлине, но вмешалась советская армия. Позже, когда около полутора тысяч протестующих были приговорены к длительным срокам, правящая Социалистическая единая партия Германии решила, что больше никогда не будет застигнута врасплох. Необходима система раннего предупреждения — нужно всегда знать, о чем думают восточные немцы, прежде чем эти мысли перерастут в действия. До этого момента Штази сосредотачивала свое внимание на иностранных агентах и других угрозах из-за рубежа. Но реальная опасность была дома.

Для Штази не было ничего малозначимого. Одно из отделений в Берлине было предназначено исключительно для вскрытия и прочтения нескольких тысяч частных писем в день. В другом сидели инженеры, разрабатывающие миниатюрные

устройства наблюдения: камеры, которые можно было спрятать за петлицей; микрофоны, которые помещались в авторучки, ножки стола или даже в кубики сахара. Чтобы шпионить за частным домом, агент мог расположиться в соседней квартире, просверлить отверстие в стене и просунуть в него гибкую трубку с объективом. Чтобы сделать снимок скрытой камерой ночью, агент мог активировать несколько инфракрасных вспышек, когда объект наблюдения проходил мимо. Глаза и уши Штази были в таком количестве мест, что некоторые люди приберегали свои самые сокровенные разговоры для игры в пинг-понг на открытом воздухе в городских парках. Правда, ходили слухи, что когда Штази узнала об этом, они развесили микрофоны на деревьях.

Вечером 15 января 1990 года, через два месяца после падения Стены, более десяти тысяч протестующих собрались у главных ворот Центральной штаб-квартиры Штази с кирпичами в руках. Они кричали: «Если вы нас не впустите, мы вас там похороним!». Ждать этого момента пришлось долго. Большинство офисов Штази по всей стране было захвачено несколькими неделями ранее. 1 декабря деятельность коммунистической партии была прекращена, и два дня спустя политбюро ушло в отставку. В тот момент из города Эрфурт, расположенного в трех часах езды к юго-западу от Берлина, начали поступать сообщения о дыме, идущем из местной штаб-квартиры Штази. Агенты жгли документы? В течение дня активистки из группы «Женщины за перемены» собрали граждан, чтобы захватить здание. Затем другие подобные группы по всей Восточной Германии последовали их примеру. Захваты были быстрыми

и в основном четко организованными. Активисты договаривались с местной полицией, привлекали заместителей государственного прокурора, пытаясь обеспечить сохранность материалов Штази. Они были настроены действовать настолько же честно и законно, насколько подло и вероломно действовали их предшественники.

Центральная штаб-квартира Штази была более сложной целью. Там работало около семи тысяч сотрудников, отличавшихся особой жестокостью. Это было огромное неприступное средоточие власти. «Мы, конечно, не думали, что нас убьют на подступах, но это было пугающе», — говорит мне Давид Гилл, глава гражданского комитета, который был создан после захвата здания. Агенты Штази в Центральной штаб-квартире размачивали документы, превращая их в кашу, поэтому над зданием не было заметно дыма. «Все знали об этом», — говорит Гилл. Когда я спросил его, почему они ждали два месяца, не пытаясь захватить документы, он ответил: «Я часто задаю себе этот вопрос».

* * *

Мы с Гиллом стоим в самом центре комплекса. На противоположной стороне двора возвышается массивное административное здание, которым когда-то управлял Эрих Мильке, непубличный министр госбезопасности. В первую ночь протестов 1990-го несколько сотрудников Штази открыли ворота, но направили толпу к ближайшему дому культуры. Офисы Мильке были захвачены только

на следующую ночь, когда Гилл присоединился к протестующим.

«Здесь пахнет ровно так, как тогда», — говорит он, когда мы входим в вестибюль. Он вспоминает, что когда вместе с другими ворвался в офис Мильке, он оглядел дубовые панели на стенах, обычный стол работника среднего звена и подумал: «*Was für ein Spießbürger!* Какая обыденность!». Как это место могло вселять раньше такой страх? «Но, впрочем, по меркам Восточной Германии это была все же роскошь», — говорит он.

Сейчас Гилл — генеральный консул Германии в Нью-Йорке, опытный дипломат с пухлыми щеками, веселыми глазами и спокойными манерами. После воссоединения страны он получил диплом юриста и с 2012-го по 2017 год занимал должность главы администрации президента Германии Йоахима Гаука. Но в 1990 году он был всего лишь сантехником, который учился на протестантского священника, как и его отец. Он вступил в гражданский комитет случайно, после разговора с одним из участников протестов, который пригласил его на встречу с лидерами движения, а вскоре был избран его президентом. Он был одним из немногих членов комитета, имевших хоть какой-то политический опыт. После десятого класса он поступил в не признанную государством приходскую школу, где учебная программа не была продиктована марксистско-ленинскими принципами. «Я был неидеологизирован, — говорит он мне. — У нас был студенческий парламент, так что я привык вести дебаты и выступать с речами. Ничему такому вы бы не научились в обычной школе».

После падения Стены группа лидеров оппозиции и восточногерманских политиков сформировала возглавляемый деятелями церкви Центральный круглый стол для наблюдения за переходом власти к новому правительству. А гражданскому комитету было поручено решить, что делать со Штази и их архивами. На одной из фотографий, сделанной на пресс-конференции вскоре после того, как была захвачена штаб-квартира Штази, рубашка Гилла помята, рукава закатаны, а волосы падают на глаза. Он наклоняется к микрофону с таким раздраженным видом, словно собирается

оборвать чей-то неуместный вопрос. Даже в головокружительные месяцы той революции архивы Штази были предметом ожесточенных споров. Одна фракция гражданского комитета хотела сохранить его, другая — уничтожить. Восточные немцы опасались, что эти записи все еще могут быть использованы против них. Западные немцы опасались, что эти документы могут разоблачить некоторых агентов их собственной разведки. Только Штази знала, что содержалось в архивах, и они настаивали, что эта информация может разрушить все восточногерманское общество. «Они сказали, что эти документы — социальный динамит и вся страна взлетит на воздух, — говорит Гилл. — Люди будут убивать своих соседей за то, что они работали на Штази».

Центральная штаб-квартира Штази. Фото: Ingmar Björn Nolting / The New Yorker

По словам Роланда Яна, восточногерманского диссидента, который впоследствии разбирал архив Штази, поначалу большинство людей было за его уничтожение. «Многие западные немцы, включая Гельмута Коля, также придерживались мнения, что это опасно», — говорит он. Штази настаивала, что как минимум должны быть уничтожены документы службы внешней разведки. Круглый стол и гражданский комитет в конце концов согласились. Но информация не была полностью утеряна. ЦРУ позже призналось, что у них был микрофильм центральной индексной системы по зарубежным

операциям Штази, полученный через агента КГБ (как утверждали некоторые). В этом каталоге под кодовым названием «Розенхольц» было перечислено более 150 тысяч агентов Штази и других лиц, работавших в Западной Германии, провернувших почти 60 тысяч шпионских операций. Но полные данные о людях и операциях отсутствовали.

«Это была одна из наших самых больших ошибок, — говорит Гилл. — Нам не следовало идти на поводу у тех, кем руководит страх». Информация, добытая Штази на Западе, часто использовалась против граждан на Востоке: «Они хотели получить информацию о восточногерманской оппозиции через западных немцев, чтобы узнать, когда люди планируют побег». Тем не менее в тот момент Гилл и его коллеги решили уничтожить файлы. Они знали, как быстро страна может забыть свое прошлое. После Второй мировой войны союзники попытались денацифицировать население Западной Германии, настаивая на том, чтобы бывшие члены нацистской партии составляли длинные объяснительные, доказывающие их невиновность или показывающие раскаяние. Большинство улик было скрыто: менее семи тысяч западных немцев были осуждены за преступления, которые они совершили, будучи членами партии. Двадцать лет спустя, во время студенческих протестов в конце шестидесятых, стало понятно, что правительство и вооруженные силы Западной Германии полны бывших нацистов. «Я думаю, в нашей культуре глубоко укоренилась идея, что наша история чему-то учит нас, — говорит мне Дагмар Ховестедт, бывшая руководительница отдела исследований архива Штази. — Мы уже дважды облажались, и один

раз по-настоящему ужасно. Такое больше никогда не должно повториться».

За несколько дней до первых свободных выборов в Восточной Германии, в марте 1990 года, распространился слух, что Вольфганг Шнур, адвокат и основной кандидат на пост премьер-министра, был информатором Штази. Большинству восточных немцев было трудно поверить в эту новость, но активисты из Ростока, где Шнур занимался юридической практикой, обнаружили тысячи страниц досье Штази на него. Шнур не просто работал информатором — он проник в протестантскую общину. «Он был кротом, — говорит Гилл. — И это изменило ход дискуссии». Когда был избран новый парламент, одним из его первых действий было сохранение архивов. С тех пор каждый государственный служащий и член правительства должен был проходить проверку на предмет возможной причастности к Штази. Полтора года спустя эти досье были открыты для широкой публики, любой желающий мог даже ознакомиться с собственным досье Штази.

«Мы пролили тьму на свет», — говорит Ховестедт. В дополнение к километрам записей в архиве было более 2 млн фотографий, более 20 тысяч единиц аудио, почти три тысячи единиц видео и 46 млн досье. Этого было слишком много для одного архива. Сохранившиеся материалы были размещены в центральном и двенадцати региональных архивах Штази. Половина вырванных страниц также хранилась в региональных архивах, остальные были отправлены в «медный котел» — подвальное помещение в штаб-квартире Штази,

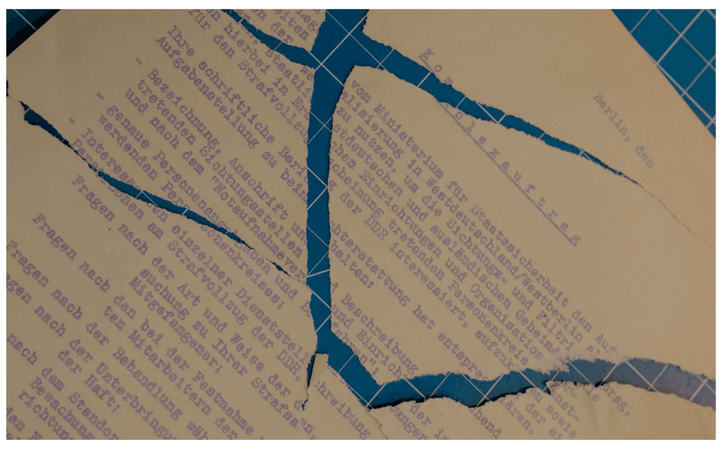
обшитое медью для блокирования радиоволн. Всего было 16 тысяч мешков с порванными документами, примерно 500 млн листов. Вопрос заключался в том, что с ними делать.

* * *

Дитер Титце стоит в пустом кабинете и рассматривает какие-то клочки бумаги на столе. Он и другие специалисты по восстановлению документов — любители головоломок — располагаются в закрытой зоне на третьем этаже архива Штази, за бежевыми дверьми, которые тянутся по коридору монотонными рядами. Как и большинство его коллег, Титце предпочитает работать в одиночку. «Мне нужен покой, чтобы делать это хорошо», — говорит он мне. Иногда, по его словам, он так сильно напрягается, что в конце дня уходит домой с головной болью. И все же он любит свою работу. Это сочетание игры и детективной разработки. «Я получаю от этого удовольствие, — говорит он. — Я обнаружил много вещей, от которых у меня округлились глаза».

Любители головоломок — особая порода людей. Их больше волнует техника рисунка, чем содержание, им больше интересна композиция, чем смысл. Фигуры, которые они складывают, могут быть фрагментами разорванного в клочья Рембрандта или утраченного Евангелия, но целое имеет меньшее значение, чем соединение его частей. Титце сейчас 65 лет, и он полжизни проработал в архиве. Невысокий, круглый, с толстыми пальцами и лысой головой, он двигается медленно, не отрывая взгляда от бумаг. Он перешел на эту работу три с половиной года назад по состоянию

здоровья — ибо прочая часть архивной работы требует слишком частого хождения по кабинетам — и обнаружил, что она ему подходит. У него терпеливый характер и чуткое отношение к форме и линиям. «Все может выглядеть хаотично, но решение требует времени, — говорит он. — Вы думаете, что тут не хватает уголка, а потом раз — вот же он! Это незабываемый опыт».

Фрагменты разорванного документа. Фото: Ingmar Björn Nolting / The New Yorker

Клочки бумаги на столе извлечены из коричневого бумажного пакета размером с большое мусорное ведро. Они разного цвета, фактуры и толщины; некоторые из них слова покрывают с одной стороны, другие — с обеих. Агенты Штази, вероятно, пытались уничтожить то, что считали особенно компрометирующим, но у них не было времени на тщательную проверку, они просто сметали бумаги со своих столов. Некоторые документы пытались профессионально уничтожить, но шредеры ломались один за другим — они не справлялись с таким массивом бумаги единовременно. Какие-то документы разрывали на мелкие кусочки, чтобы потом замочить их в воде, но это занимало слишком много времени. В конце концов агенты просто разрывали страницы пополам или на четыре части и запихивали их во все, что могли найти. Поэтому иногда бумаги были смешаны с обертками от конфет, огрызками яблок и другим мусором. Все это было утомительно. Руки агентов сводило судорогой,

пальцы распухали, кожа покрывалась порезами от бумаги. Каждый пакет с обрывками был похож на археологическую находку в миниатюре: клочки бумаги были уложены слоями, как глиняные черепки. Если Титце вынимал их аккуратно, по нескольку слоев за раз, соседствующие в мешке обрывки часто подходили друг к другу.

Титце берет со стола два клочка бумаги и кладет их рядом друг с другом. Их оторванные края вроде совпали, но не совпали слова вдоль разрыва. Он качает головой и пробует другую пару. Но и они не подходят. «Иногда ты говоришь: "*Wunderbar!*[1] Я все же могу делать это быстро", — говорит он. — А иногда с одними и теми же кусочками приходится работать по 10–12 дней». Титце говорит тихо, бормочет на берлинском диалекте. Он родился и вырос в этом городе, но не считает себя ни восточным немцем, ни западным. В 1961 году, как раз перед возведением стены, его отец стоял на границе и размышлял, на чьей стороне остаться. Он выбрал Восток. Почти тридцать лет спустя Титце наблюдал за падением стены по телевизору. «Я и представить себе не мог такого, — говорит он мне. — На следующий день я пришел на работу, а там никого не было. Все пошли в Западный Берлин».

Восстановленные документы помогают проследить историю Германии. Они охватывают все четыре десятилетия существования ГДР, говорит Ховестедт, и охватывают все — от расследования агентами Штази дела нацистского военного преступника до внедрения агентов в восточные и западные пацифистские организации. Документы рассказывают о преследовании таких известных

диссидентов, как Роберт Хавеман и Стефан Хейм, а также о применении допинга восточногерманскими спортсменами. Они сообщают о деятельности западногерманской террористки Сильке Майер-Витт из банды Баадера — Майнхоф, которая скрывалась в Восточной Германии, а еще об информаторе под псевдонимом Шефер, который внедрялся в диссидентские группы ГДР. Масштабы деятельности Штази стали шоком для Титце, ведь он прожил в те времена большую часть своей жизни. При этом он не демонстрирует приверженности к какой-то сверхцели. Он просто приходит в офис день за днем — как сотрудники Штази до него — и методично восстанавливает то, что они разрушили.

Пока мы разговариваем, Титце выкладывает одинаковые половинки страницы на пластиковый коврик, расчерченный линиями. Это документ из отдела Штази, отвечавшего за организацию наблюдения. Титце старается не разглашать информацию с восстановленных страниц никому, даже своей семье. В документе может упоминаться кто-то, за кем шпионила Штази, и он не имеет права передавать эту информацию. «Эти документы незаконны, — говорит мне Дагмар Ховестедт. — Они были созданы с постоянными нарушениями прав человека. Никто никогда не давал на это согласия». Когда архивы открыли для общественности, были введены строгие ограничения на доступ к ним. Люди могут запросить информацию о том, что Штази имела на них, но нельзя узнать информацию о ком-либо еще. Все имена в документе, выданном для чтения, должны быть удалены, за исключением имени запросившего документ и имен агентов Штази. Исключение составляют только

общественные деятели и люди, давшие согласие на обнародование своих досье, а еще те, кто умер более тридцати лет назад. «Мораль проста: Штази не имеет права решать, что нам читать, — говорит Ховестедт. — Решаем мы».

Титце соединяет разорванные половинки тонкой полоской прозрачного скотча, и слово *Mittag* срастается по линии разрыва. Затем он переворачивает страницу и клеит скотч на другую сторону. Упорно работая таким образом в течение года, он смог собрать две или три тысячи страниц. В общей сложности специалисты по разгадыванию головоломок из архива восстановили уже более 1,7 млн страниц — это и поразительный подвиг, и огромный провал. Всего сохранилось более 15 тысяч мешков с разорванными документами. В 1995 году, когда проект был запущен, в его команде работало около 50 специалистов. К 2006 году их число сократилось до нескольких человек, поскольку сотрудники вышли на пенсию или были переведены на другую работу. К тому времени стало ясно, что восстановление документов вручную — плохая идея. Нужна была машина для решения таких головоломок.

* * *

Бертрам Николай, берлинский инженер и эксперт в области компьютерного зрения, вспоминает, что слышал о работе с уничтоженными архивами, когда этот проект только начинался. Он вспомнил о своем друге Юргене Фуксе, писателе и диссиденте из ГДР. В 1976 году Фукс был арестован за «антигосударственную агитацию» и на девять

месяцев заключен в тюрьму в печально известном комплексе Хоэншенхаузен в Берлине. Он получил образование социального психолога и позже написал подробный отчет о методах Штази в своей книге *Vernehmungsprotokolle* («Протоколы допросов»). Политических заключенных, таких как Фукс, обыскивали с раздеванием, изолировали и не давали им спать по несколько дней подряд. Некоторых запирали в резиновых камерах, уличных клетках или, наоборот, в подвальных клетушках, таких сырых, что у людей начинала гнить кожа. Конечной целью следователей Штази, писал Фукс, было «разложение души».

Когда в 1977 году Фукса освободили после международных протестов, он был депортирован в Западный Берлин, где Николай впервые встретился с ним. Но жизнь Фукса оставалась под угрозой. В 1986 году у его входной двери взорвалась бомба — в тот момент, когда он собирался вести дочь в школу (они не пострадали, но могли погибнуть, если бы вышли чуть в другое время). Когда в 1999 году Фукс умер от редкой формы рака, некоторые восточные немцы решили, что Штази намеренно подвергала его воздействию радиации, пока он находился в тюрьме. Двое других диссидентов той же эпохи, Рудольф Бахро и Герульф Паннах, также сидели в тюрьме Штази и также умерли от редкой формы рака. Николай интересовался, есть ли в архиве Штази записи о заговоре против Фукса. А вдруг они были среди документов, которые разорвали на части перед самым падением Стены?

«По телевизору показывали репортаж о том, как небольшая команда вручную восстанавливала

документы, — сказал мне Николай. — И я подумал, что это очень интересная область для применения компьютерного зрения». В то время Николай был ведущим инженером в Обществе содействия прикладным исследованиям имени Фраунгофера — немецком технологическом гиганте, который помог создать *MP3*. По его расчетам, при наличии подходящего сканера и программного обеспечения компьютер мог бы самостоятельно идентифицировать небольшие фрагменты страниц и собирать их воедино в цифровом виде. А люди могли работать с документами, разорванными на крупные части, на восемь или менее кусков. Николай был уверен, что компьютер мог бы сделать работу лучше. Машина могла бы восстанавливать страницы даже по мельчайшим фрагментам и искать изображения недостающих фрагментов в других мешках. Нужно было просто отсканировать фрагменты и сохранить изображения в базе данных.

Но реальность оказалась куда сложнее. Пять лет ушло только на то, чтобы на предложение Николая поступил отклик. К 2003 году команда из его института создала прототип программы, позже получившей название *e-Puzzler*. Она могла восстанавливать страницы, разорванные даже на десять частей. Но прошло еще три года, прежде чем проект был профинансирован — задержка, которую Николай объясняет сменой правительства. Затем промышленный партнер команды, дочерняя компания *Lufthansa*, которой было поручено разработать сканер для проекта, прекратил свое существование. Предполагалось, что сканирование будет простой задачей — к тому времени даже в некоторых домах были сканеры

с высоким разрешением, но фрагменты нужно было сканировать с обеих сторон одновременно и с предельной точностью. Чтобы изображения сочетались друг с другом, их цвет и текстура должны были идеально совпадать, а края должны были быть выровнены с точностью до пикселя. «Обычные сканеры не могут так, — говорит Николай. — А когда мы немного изучили ситуацию, я понял, что вообще ни один сканер в мире так не может».

В конце концов команда нашла сканер, который можно было модернизировать для выполнения этой работы. Но он не справлялся с большими партиями материалов. К 2014 году команда обработала только 23 мешка документов. В своем роде это было впечатляющее достижение: *e-Puzzler* теперь могла восстанавливать страницы, разорванные даже на сто и более частей. В 2014 году проект был остановлен, и институт объявил его «успешно завершенным». Но многие с этим не согласны. Как выразился один из работников, «15 тысяч мешков, из которых восстановлено 23, — это скорее провал».

* * *

Однажды днем, вскоре после посещения архива Штази, я отправился посмотреть, как работает то, что пришло на смену *e-Puzzler*. Николай уволился в 2022 году. Сейчас он работает в компании *MusterFabrik Berlin,* которая расположена на территории старой фортепианной фабрики в районе Митте. В этом году ему исполнился семьдесят один, но он все еще не утратил своего энтузиазма. Его бледное лицо порозовело, когда он вел меня

мимо рядов компьютеров. Он рассказывает, как в последние пять лет *MusterFabrik* тестировала свой сканер и недавно разработанную программу для восстановления фрагментированных изображений: они восстановили фрагменты римской фрески, документы из еврейского общинного центра в Буэнос-Айресе, который был разрушен взрывом в 1994 году, и бумаги ученого XVII века Готфрида Лейбница. Но их самый амбициозный проект — который, скорее всего, послужит механизмом для работы с архивом Штази — находится в Кельне.

Пятнадцать лет назад здание муниципального архива внезапно разрушилось в ходе бурения тоннеля при строительстве метро. Девяносто процентов содержимого архива было погребено под обломками, включая тысячелетние средневековые рукописи. Документы были покрыты грязью, пропитаны грунтовыми водами и полностью потеряли свою форму. В отличие от документов Штази, их не рвали пополам или на четвертинки и не укладывали в мешки. Они были хаотично разбросаны среди останков здания. И это не выглядело как археологические раскопки. Это была огромная яма, в которой валялись размокшие части головоломки.

В итоге из-под завалов было извлечено более трех миллионов фрагментов. Был создан новый архив, и в течение последних трех лет город восстанавливал документы с помощью *MusterFabrik*. Фрагменты сканировали и сохраняли на сервере, а программа, умеющая решать головоломки, непрерывно просматривает их в поисках совпадений. Ян Шнайдер, руководитель отдела разработки *MusterFabrik*, открывает на своем ноутбуке образцы

из кельнской базы данных и проецирует их на огромный экран. На экране — созвездие из ста тысяч фрагментов, сгруппированных, как песчинки в тибетской мандале. Он сортирует фрагменты по размеру и цвету, затем увеличивает некоторые. Все это — часть рукописи трехсотлетней давности, написанной от руки на латыни; на фрагментах можно различить аккуратный почерк. Шнайдер говорит, что на сканирование всех фрагментов могут уйти годы, поскольку фрагменты очень разрозненны. Но как только будет найден последний фрагмент, программа объединит его с остальными и отправит собранную страницу архивистам для проверки. Он нажимает клавишу на своем ноутбуке. Несколько фрагментов отделяются от общей массы и складываются на экране в аккуратный прямоугольник.

С помощью одного сканера и команды из восьми сотрудников архив в Кельне за последние 2,5 года собрал десятки тысяч фрагментов. Однако сканер и специализированный софт — не главное для работы с архивом Штази. Оригинальный *e-Puzzler-*, например, превосходил обычные приложения для восстановлении файлов. Но для правильного сканирования фрагменты приходилось доставать из мешков, разделять один от другого, разворачивать и раскладывать на стекле. Если среднестатистическому офисному работнику требуется, скажем, пять минут, чтобы отсканировать пятьдесят документов, то сканирование каждого фрагмента в архиве Штази занимает гораздо больше времени

Но новые технологии могут ускорить этот процесс. В прошлом году студенты университетов Германии, Швейцарии и США расшифровали часть

древнеримского свитка, найденного на вилле в Геркулануме. Он был поврежден извержением Везувия — тем самым, которое разрушило Помпеи. Используя специальный сканер и подключив искусственный интеллект, студенты виртуально развернули свиток и отсканировали все следы чернил на слоях папируса. Теоретически подобный метод можно было бы использовать и для материалов Штази. Но пока эту работу приходится выполнять вручную. Ни один специальный манипулятор не может сделать это с необходимой точностью. «Нам нужна роботизированная рука, которой пока не существует», — говорит Шнайдер.

По словам Ховестедта, до тех пор, пока существуют мешки с разорванными в клочья документами, архив Штази будет собирать их по кусочкам. В сентябре архив объявил конкурс предложений по возобновлению проекта цифрового восстановления. *MusterFabrik* была в числе компаний, которая представила свое предложение. Победитель еще не выбран. Николай когда-то верил, что пятнадцать тысяч мешков с документами можно будет восстановить за 10-12 лет, при наличии надлежащего финансирования и персонала. Теперь он считает, что у правительства едва ли в принципе хватит на это решимости. «Я думаю, они никогда по-настоящему не хотели этого», — говорит он.

* * *

Прошло 35 лет с тех пор, как пала Стена. Стоит ли продолжать восстанавливать архивы? Большинство лидеров той эпохи умерли, время шокирующих

разоблачений, кажется, прошло. Проверка личных дел государственных служащих была актом «политической гигиены», как говорит Давид Гилл, а открытие архива для общественности дало ощущение справедливости миллионам восточных немцев. Но как много может страна извлечь из своей мрачной истории?

Когда я в последний раз видел Саломею Генин, она достала три толстых папки и положила их передо мной на кофейный столик. По ее словам, она была всего лишь мелким оперативником, самым маленьким винтиком в машине Штази, но ее кураторы написали о ней более пятисот страниц. «Около пятидесяти страниц представляют интерес», — сказала она, указав рукой на папки. Тем не менее, края многих страниц были обведены желтыми маркерами, а поля исписаны ее мелким почерком. Кое-где абзацы были полны черных прямоугольников, скрывающих, согласно закону, имена третьих людей, но Генин это не волновало. Она помнила большинство людей, за которыми наблюдала, поэтому просто заново написала их имена над черными прямоугольниками.

Дитер Титце за работой в Центральной штаб-квартире Штази. Фото: Ingmar Bjorn-Nolting / The New Yorker

С 1964 года они встречались с ее куратором в ее квартире каждые две недели. «Он не пытался выведать о чьем-то подозрительном поведении, — говорит она. — Он просто хотел знать все обо

всех». Сначала Генин рассказала ему о своих друзьях, соседях и коллегах по работе. Затем задания стали более сложными. Она устроилась репортером на государственную радиостанцию и рассказывала о журналистах. Позже она стала переводчицей и экскурсоводом в Министерстве культуры, где часто встречала высокопоставленных иностранных гостей. Генин никогда не была замужем, но после переезда в Восточную Германию у нее родились двое сыновей, а ее куратор иногда беседовал с ними, когда они возвращались домой из школы. «Я просто сказала им, что он из госбезопасности, — сказала она. — Кстати, он был приятным человеком».

По мере того как положение Генин в Штази улучшалось, менялся и ее стиль жизни. В 1966 году она переехала из своей комнаты с холодной водой в Трептове в свою первую квартиру в Митте. «Это была настоящая роскошь, — говорит она. — В ней был душ, встроенные шкафы и центральное отопление». Она купила новый Трабант, простояв в очереди всего пять лет — большинство людей ждали по десять и более — и часто ездила за границу. Поначалу она приписывала эти льготы своему еврейскому происхождению: как *Verfolgte des Nazi Regimes* — бывшая мишень нацистского режима — она была в первых рядах на получение жилья, досрочно вышла на пенсию и получила много других привилегий. Но позже она узнала, что ее статус улучшила работа на Штази. «Мне дали все это, потому что я была информатором, — говорит она. — Я уверена, что за мной присматривало полдюжины ангелов-хранителей».

О чем Генин не говорит — а, возможно, и не знает — так это о том, сколько вреда было причинено ее

действиями. Сколько жизней было разрушено из-за ее, казалось бы, безобидных слов, сказанных куратору? Штази действовала скрытно, подрывая жизнь людей изнутри. Они препятствовали продвижению по службе, прерывали учебу. Они обыскивали квартиры, подбрасывали порнографию и тайно брали образцы одежды для собак-ищеек. Они угрожали семьям, допрашивали соседей и отказывали в выдаче виз тем, чьи близкие жили за границей. Тех, кого просто считали подозрительным, могли допросить или заключить в тюрьму на несколько месяцев без суда и следствия.

Генин рассказала мне, что не раз была близка к тому, чтобы наконец увидеть Штази такой, какая она есть. В 1964 году, вспоминает она, на партийном собрании ее осудили за критические высказывания в адрес правительства. После этого ее понизили с должности репортера до переводчика и заставили зачитать публичное извинение. В 1976 году, когда она изучала философию в Университете Гумбольдта, она вдруг заметила, что некоторые восточногерманские рабочие кажутся ей такими же чужими, как и их коллеги из капиталистического мира. И все же она снова и снова продолжала делать то, что делала.

«Вы должны понять, что это была моя семья, — говорит она мне. — Я жила ради этого замечательного дела всю свою жизнь, с двенадцати лет. Партия была моей мамой, а Штази — отцом». Я спросил, видела ли она когда-нибудь, как Штази арестовывала кого-то на основании предоставленной ею информации. Она покачала головой. «Если бы я это увидела, то пришла бы в себя, — говорит она. — Но я ничего не видела. Я

была лишь информатором — они записывали то, что я им рассказывала».

* * *

Будучи информатором Штази, Генин научилась закрывать глаза на окружающую действительность. И простые восточные немцы были вынуждены поступать так же. С детства все их действия имели политическую подоплеку. В детском саду пели песни про марксизм-ленинизм. Подростки подписывали петиции, осуждающие Пражскую весну. Взрослые голосовали на всех выборах, хотя в бюллетенях были кандидаты от единственной партии. Все участвовали в парадах и вывешивали флаги на своих подъездах, даже если их друзья или родственники находились в тюрьме.

«Не было ни бунтарей, ни конформистов», — написал бывший диссидент Роланд Ян в своей книге 2014 года *Wir Angepasssten* («Мы, приспособленцы»). Жизнь в ГДР напоминала бесконечный *Eiertanz*[2] — танец на полу, усыпанном яйцами. Цена несогласия была так велика, а страх настолько глубок, что люди научились не замечать даже Стену. «Я не могу припомнить, чтобы у меня когда-либо был серьезный, обстоятельный разговор об этом, — пишет Ян. — Ни о Стене, ни о приказе стрелять в тех, кто пытался ее пересечь, ни о тех, кто погиб при этом. Ни в семье, ни среди друзей. Лишь иногда, когда Стена появлялась на западногерманском телевидении, мы поворачивались друг к другу и качали головами. Разве не ужасно, что такое существует? Как будто все это

происходило с другими людьми. И не мы, а кто-то другой был в плену у Стены».

У новой Германии есть свои проблемы: нищие разбивали палаточные городки возле автосалонов *Mercedes*, наркоманы теряли сознание на платформах метро. Накануне воссоединения Гельмут Коль пообещал восточным немцам экономическое будущее в цветущих пейзажах — *blühende Landschaften*. Но Запад не столько воссоединился с Востоком, сколько колонизировал его, разрушив его промышленность и культурные институты, забрав себе его лучших работников. В регионах, которые пострадали больше всего, таких как Саксония-Анхальт, возникло чувство ностальгии по Востоку. Некоторые говорят, что при ГДР было больше справедливости, люди были более сплоченными, женщины имели больше прав и возможностей (90% женщин были трудоустроены в Восточной Германии против 60% в Западной). Во многом поэтому ультраправые партии — такие как «Альтернатива для Германии» — недавно бросили вызов триумфу либерализма. Когда во время пандемии был введен карантин и обязательное тестирование на ковид, АДГ заявила, что это похоже на жизнь под контролем Штази.

Сохранившаяся часть Берлинской стены. Фото: Ingmar Björn Nolting / The New Yorker

Архивы Штази предлагают решение для подобных случаев — и это как операция по удалению

катаракты в масштабах всего общества. «Вот почему этот архив так важен, — говорит мне Элмар Крамер, представитель архива. — В ГДР не было свободы прессы, не было свободы слова. Был приказ стрелять по любому, кто приближается к Стене. И в архивах Штази это легко увидеть». При этом документы дают искаженное представление о жизни в Германии. Как только они были опубликованы, каждый момент жизни стало возможно рассмотреть через объектив камеры наблюдения, а каждое решение — через призму предательства. То, что правительственная поддержка в восстановлении архивов ослабла, может быть связано с тем, что история, которую рассказывают документы Штази, слишком черно-белая. В одну секунду архивы разделили Восточную Германию на две части — на жертв и предателей, но при этом почти каждый был немного и тем, и другим.

«Штази, Штази, Штази, вечно Штази, — говорит мне историк Райнер Экерт, бывший восточногерманский диссидент и автор вышедшей в 2023 году книги *Umkämpfte Vergangenheit* ("Военное прошлое"). — Лишь малая часть жителей ГДР работала на Штази». Сам Эккерт был арестован и допрошен, обвинен в шпионаже, уволен с работы и лишен академических должностей. Роланд Ян был исключен из университета, приговорен к двадцати двум месяцам тюремного заключения (из которых он отсидел шесть), а затем депортирован в Западную Германию. Однако ни один из них не считает, что диктатура определяла его жизнь. «Да, были правила, и была Стена, но была и свобода, — написал Ян в своей автобиографии. — И если сосредоточиться на этом — на небольших успехах в повседневной жизни — то

жизнь в ГДР становилась сносной. А как иначе вы могли примириться со своим представлением о себе? Как еще жить?»

Ни один архив не может по-настоящему отразить жизненный опыт целой нации, независимо от того, сколько документов в нем содержится. Досье Штази — это как история Соединенных Штатов, рассказанная через архивы ФБР и ЦРУ: череда прослушек, допросов, политических переворотов и дезинформации. Такая Америка настолько же реальна, насколько и нет. И все же именно эта мрачная точка обзора делает архивы незаменимыми. Это просто та версия нашей истории, в которой мы не можем признаться самим себе.

В 2011 году, после Арабской весны, делегации из Туниса и Египта посетили архив Штази, надеясь понять, как они могут бороться со своим авторитарным прошлым. Но лишь немногие страны последовали примеру Германии. Революционеры в других странах, как правило, хранят государственные секреты даже после того, как свергли правительство. Когда в 1991 году распался Советский Союз, активисты призвали к обнародованию архивов КГБ, но правительство Ельцина воспротивилось. Затем, когда Владимир Путин стал премьер-министром, в открытом доступе было немного документов, которые могли бы разоблачить его роль в преступлениях советского режима, но не было ни записей наблюдения за кем-то, ни свидетельств пыток — всего того, что могло бы умерить ностальгию по коммунистической эпохе. Неудивительно, что когда два года назад российская армия вторглась в Украину, архивы были одной из ее целей. Более пятисот библиотек были повреждены или

разрушены, а военная полиция изымала или уничтожала архивы КГБ, украинские архивы и книги об украинском сопротивлении. Если вы хотите стереть страну с лица земли, начните со стирания ее памяти.

* * *

Более трех миллионов человек уже ознакомились со своими досье из Штази с момента открытия архива в 1992 году, а в прошлом году было подано около тридцати тысяч новых запросов. «Если вы скажете в бюро по трудоустройству "я лишился пенсии, потому что Штази не позволяла мне работать так, как я хотел", это едва ли произведет на кого-то впечатление, — говорит Эльмар Крамер. — А вот если вы сможете найти в архиве документ, в котором говорится, что такой-то должен быть уволен, это уже будет доказательством. Просто черно-белый скан с печатью».

Именно такие истории — в большей степени, чем истории о двойных агентах — составляют основу архива Штази. Они напоминают о том, что «совершенно нормальные, порядочные люди способны на такое», как выразилась Дагмар Ховестедт. «Называя их злыми и жестокими, мы упускаем важный урок. Мы забываем, как близки были к тому, чтобы оказаться в такой же ситуации». Штази управляла крупнейшей разведывательной сетью в мире в пересчете на душу населения, однако число людей, за которыми Штази шпионила превышало численность сотрудников Штази более чем в пятьдесят раз. Если бы восточные немцы

восстали массово, ничто не смогло бы спасти систему. «Диктатурам для функционирования нужна середина, и подавляющее большинство людей находятся в этой середине, — говорит Ховестедт. — Они не высовываются».

В конце концов, Саломея Генин призналась себе в том, что делала, но ее пробуждение было медленным. Однажды вечером, осенью 1982 года, она смотрела по телевизору западногерманские новости, когда показали рекламу документального сериала о пути Гитлера к власти. Генин всегда удивлялась тем немцам, которые утверждали, что не знали, что нацисты делали с их соседями-евреями. Как они могли быть такими? Но вдруг ее поразила мысль, что она ничем не отличается от них. «Всю свою жизнь я думала о фразе Джорджа Сантаяны — что те, кто забывают историю, обречены повторять ее, — говорит она. — И вдруг я поняла, что это относится и ко мне. Что наш социализм был не тем, за что себя выдавал. Что это, по сути, полицейское государство — и я помогаю делать его таким».

После этого, по ее словам, она провалилась в «глубокую, темную яму». «Я не хотела жить». Однако прошло еще семь лет, прежде чем она вышла из партии. К тому времени ее сыновья уехали из Восточной Германии в Западный Берлин, но Генин осталась. «Всю свою жизнь я искала место, которое могла бы назвать своим домом, — говорит она. — И я, наконец, нашла это место». Шесть месяцев спустя этой страны не стало.

Автор: Буркхард Билгер

Фотограф: Ингмар Бьорн Нолтинг

Оригинал: *Piecing Together the Secrets of the Stasi*, *The New Yorker, May 27, 2024.*

Перевод: М.К.

Translated with permission from The New Yorker.

---

1. Замечательно!

2. Пасхальная традиция, существующая в некоторых европейских странах.